DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu7.2016.1.5>

УДК 165.2

ББК 87.22

ВООБРАЖЕНИЕ И ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ СОЗНАНИЯ: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Надежда Александровна Ильинова

Кандидат социологических наук, доцент,
заведующая кафедрой философии и социологии,
Адыгейский государственный университет
nady_i@bk.ru
ул. Первомайская, 208, 385000 г. Майкоп, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается проблема свободы сознания как определяющая проблема самоактуализации мыслящего субъекта. XX век позволил качественно по-новому переосмыслить взаимосвязь между воображением и свободой сознания. Проводится анализ проблемы оснований онтологии сознания как актуального опыта воображения сквозь призму концепции Ж.-П. Сартра. Специфика трактовки сущностных оснований воображения открыла ему новые горизонты для исследования источников свободы. Для Сартра суть экзистенции раскрывается через воображение.

Воображающее сознание присутствует здесь и сейчас и в этом прослеживается один из тезисов неклассической философии. Воображение Сартр трактует как опыт Ничто, делающий доступным опыт целого. Его отдельные идеи акцентируют внимание на воображении, как становлении возможного для себя в сознании как опыте Целого.

Выявляется связь экзистенциально-онтологического проекта и феноменологии имманентного времени Э. Гуссерля. Отмечаются противоречия в трактовке опыта сознания как воображения присутствующего отсутствия. Свобода сознания как зрение Иного по отношению к налично данному в опыте человека оказывается свободой к ничто. Ситуация сознания как ситуация выбора никогда не может завершиться актуально для себя без того, чтобы уйти в прошлое или, напротив, оставаться только пожеланием, проектом. Конструкция «для-себя-бытия» в философии Ж.-П. Сартра играет не конструктивную, как у Гегеля, а деструктивную роль.

Деструкция Ж.-П. Сартра обусловлена кризисными процессами культуры XX века, господствующим нигилизмом, вселенским одиночеством, вытекающим из несоответствия мира и трансцендентного.

Ключевые слова: опыт сознания, воображение, бытие, ничто, Ж.-П. Сартр, Э. Гуссерль, время.

Тема сознания и свободы сознания – ключевая для самоопределения философского поиска как стратегии свободного самоутверждения субъекта мысли. Сознание вплетено непосредственно в самое бытие человека [5; 16]. Свобода сознания есть та стихия, в которой рождается сама Мысль о Су-

щем как такой опыт человека, которому имманентны все его основания, и который делает очевидным духовное ядро антропо-онтологии. Стратегия эволюции категориальной формы мышления на протяжении практически всего исторического существования западноевропейской цивилизации была самым тес-

ным образом связана именно с обретением устойчивых форм свободы не только как декларируемой ценности и отдаленной и туманной перспективы, но и выраженной в личном опыте практики. В определенном смысле рождение и развитие философии было процессом самоуверенности мышления, сознания в собственных акциях как свободно сущего и являющегося мира опыта.

В XX столетии тема свободы сознания получила качественно новые способы и формы осмысления и разрешения ключевых внутренних противоречий. Один из центральных узловых моментов этого нового этапа рефлексии связан с выявлением взаимосвязи между воображением как «продуктивной способностью» (Кант) сознания и его свободой. В предлагаемой вниманию читателя статье мы остановимся на позиции крупнейшего мыслителя новейшего времени Ж.-П. Сартра, в творчестве которого и феномен воображения, и проблема спецификации человеческой свободы заняли центральное место. Кроме того, в его же философской концепции обнаружился и определенный лимит нового источника свободы, связанный с определенным толкованием сущности воображения. Сартр попытался обосновать саму исходную для человека первичную ситуацию *открытости* в ее онтологической выраженности. Каковы были результаты – нам позволит понять его философский опыт о «Воображаемом» и главная книга «Бытие и ничто».

Ж.-П. Сартр пишет о фундаментальной взаимосвязи сознания, воображения и онтологической свободы. Выводы его чрезвычайно важны для экспликации базовой тенденции всей неклассической онтологии и свидетельствуют прежде всего о тесном пересечении проекта экзистенциальной онтологии и феноменологии (в которой опыт сознания в его имманентной интенциональности и временности стал ключевым предметом осмысления). Интересно отметить, что свобода сознания, феноменологически обнаруживаемая в полиморфной структуре временения, а также онтологическое значение самого горизонта становится центральным предметом осмысления в философии Ж.-П. Сартра, творческий путь которого лежал как раз через опыт о воображении к «Бытию и ничто». И это далеко не

случайно. Если П. Рикер делает акцент на проблеме референции и автореференции в опыте временнощего сознания (тема «рассказанного времени» и поэзиса как основания исторического сознания), то Ж.-П. Сартр пытается помыслить через воображение сущность человеческой свободы (экзистенции).

Как мы помним, по Канту, сознание может быть свободно только в мире «вещей-в-себе». Феноменология в этом смысле идет существенно дальше. Приведем здесь отрывок из «Воображаемого...» Ж.-П. Сартра, в котором очень точно схвачена эта ключевая интуиция. «Воображение не является некоей эмпирической и дополнительной способностью сознания, оно есть само сознание в целом, поскольку в нем реализуется свобода сознания; любая конкретная и реальная ситуация сознания в мире наполнена воображаемым в той мере, в какой она всегда представляет собой выход за пределы реального. Из этого не следует, что всякое восприятие реального должно превращаться в воображаемое, но поскольку сознание всегда находится «в той или иной ситуации» и поскольку оно всегда свободно, постольку оно всегда и в каждый момент времени располагает конкретной возможностью для порождения ирреального. Будет ли сознание всего лишь реализующим или же оно начнет воображать, в каждый конкретный момент определяется особой мотивацией. Ирреальное порождается за пределами мира сознанием, которое остается в мире, и человек способен воображать именно потому, что он свободен в трансцендентальном смысле» [11, с. 306]. Если бы время оставалось вертикалью в геометризованном универсуме декартовского *cogito*, то сознание как опыт, как собственная *ситуация в мире*, не могло бы, скажем так, взять определенную дистанцию от самого себя, как бы посмотреть на себя «со стороны» с тем, что каждое свое «теперь» положить, как актуально присутствующий в *настоящем* модус.

Если очень кратко охарактеризовать общий вывод сартровской концепции, то можно сказать так: в воображении сознание открывает доступ к *присутствию отсутствия*, то есть полагает собственную конкретную ситуацию-в-мире как свободное Бытие. Открытие это реализуется во времени. Подчеркнем, что

Ж.-П. Сартр активно применяет для разъяснения своей позиции такие понятия, как «в-себе-бытие» и «для-себя-бытие», которые, прямо скажем, заимствует у Гегеля. Гегель вообще был весьма популярен среди парижских интеллектуалов первой половины минувшего столетия (Ж. Батай [1], Ж. Валь [3], Ж. Ипполит [6], А. Кожев [7], А. Койре [9] и др.). С одной стороны, данные категории помогают точно определить уровни опыта. В системе самого Гегеля они выражают прежде всего *логические* связи и переходы опосредствования абсолютного самосознания как моменты тектонического самополагания абсолютной формы знания. С другой стороны, в отличие от гегелевской системы, Ж.-П. Сартр будто застревает в этих определениях, в том, что они выражают собой именно моменты перехода или отношения как такового.

Французский мыслитель прибегает к ним там, где как раз пытается вслед за Э. Гуссерлем и М. Хайдеггером объяснить рождение или даже зачатие *присутствующего целого* мира как данного сознанию и закрепляющего тем самым его свободу. Но такая свобода оказывается опытом «ничто». Имманентное временение обнаруживает само себя как «полость небытия» [10, с. 171]. Обобщая размышления Ж.-П. Сартра в его работе «Воображаемое...» и в «Бытии и ничто», можно сказать, что гуссерлевское «теперь-сознание» (развитое немецким мыслителем в «Идеях к чистой феноменологии...» и «Феноменологии внутреннего сознания времени») оказывается «для-себя-бытием», то есть, иными словами, собственно тем, что выражает собой саму исходную возможность фиксации бытийного потока как актуального и не стирающегося в объекты прошлого, доступны лишь памяти. Подлинная онтология – и в этом ключевой тезис неклассической философии – может быть только онтологией настоящего, актуально текущего здесь и сейчас. «Возможное не есть, – пишет автор «Бытия и ничто», – возможное делает себя возможным точно так же, как Для-себя делается бытием; оно определено посредством схематического наброска местоположения ничто, с помощью которого Для-себя оказывается *по ту сторону самого себя*» [10, с. 134] (курсив наш. – Н. И.). Причем говорить о нем как о некотором «что»

(в смысле аристотелевской «усии») можно только прибегнув к воображению.

Ряд идей Ж.-П. Сартра заслуживает внимания как своего рода акцентировка и развитие роли воображения в становлении возможного для себя в сознании как опыте *Целого*. Опыт целого оказывается доступным через опыт Ничто, который как таковой для французского мыслителя есть воображение. Воображающее сознание – это всегда конкретно присутствующее сознание (в том числе пространственно), созерцающее мир со своей определенной *точки зрения*. *Эта точка зрения и есть «кратер вулкана», сквозь который прорывается Возможное как данность Бытия*. Причем Ж.-П. Сартр подчеркивает, так сказать, отнесенность точки зрения к месту, с которого она «действует». В этом смысле его концепция бытия и ничто может быть интерпретирована как концепция отношения Пространства и Времени, аннигилирующих и одновременно утверждающих друг друга. Или, если вспомнить гегелевскую логику, как отношение тождества и различия.

Для Э. Гуссерля временной горизонт выступал опытом *удержания присутствия*. Сартр же усиливает звучание остроты присутствия в противоположность *отсутствию* и, соответственно, звучание акта воображающего сознания, то есть акта *горизонтного видения* как такового. Ретенция как сознательное удержание только что минувшего во временении сохраняет векторность «от...» «к...». В горизонтности векторность ослабевает и тематизируется сама целостность, открывающаяся углу зрения. По нашему мнению, для выражения значения горизонтности (как своего рода «подушки безопасности», дающей гарантии устойчивости актуального *настоящего* для «Я») Ж.-П. Сартр прибегает к весьма удачной формулировке. А именно: ничто или небытие оказывается «*инфраструктурой* чего-либо» [11, с. 306] в том смысле, что оно никогда не становится подлежащим. А иначе мы вновь возвращаемся на круги картезианской вертикальной шкалы времени, суммирующей отрезки прошлого или ожидаемого будущего. Мертвое прошлое не может поддерживать актуальный поток сознания.

В «Бытии и ничто», правда, вес этой инфраструктуры по сравнению с более ранним

сартровским текстом «Воображаемое...» существенно возрастает. Человеческая свобода оказывается затерянной где-то «там». Присутствие становится опытом во многом драматическим, если не сказать больше, – трагическим. Ситуация сознания как ситуация выбора никогда не может завершиться актуально для себя без того чтобы уйти в прошлое или, напротив, оставаться только пожеланием, проектом. Полнота и свобода опыта сознания не может достичь актуального переживания собственной исполненности в своем развернутом содержании, будто вечно отодвигаясь в неизведанную даль и лишь тем самым полагая собственную нередуцируемость к любой фактичности эмпирического мира.

Сартровская интерпретация феноменологии внутреннего сознания времени с этой точки зрения может гипотетически рассматриваться как модернистский вариант ответа на вопрос «может ли мысль быть абсолютной, обладая Абсолютным как своим предметом?» Отличие всей неклассической мысли в данном случае заключается в том, что это Абсолютное мыслится как совокупность условий, предпосылок сказывания о человеческом опыте, об опыте сознания («Я») как о чем-то, что само по себе в силу имманентных конструктивных особенностей способно удостоверять собственное наличие в мире, в котором как потоке вещей естественных не видно прямых нитей ни к свободе, ни к духовности. Даже заманчивая попытка Гастона Башляра выявить «воображение вещей» в природе (воображение самого пространства или материи, например, огня или земли) как имманентную феноменальную структуру в конечном счете также подразумевала особую настроенность сознания, наличия в нем, говоря словами М. К. Мамардашвили, «интервала» записи Иного [8, с. 54].

Ж.-П. Сартр в «Бытии и ничто» – книге весьма знаковой для онтологии XX в. – на поставленный нами вопрос дает однозначный ответ: абсолютность мысли о Сущем, во-первых, конституируется ее собственным длением (исток – позиция Э. Гуссерля) в «теперь», во-вторых, она может быть ни чем иным кроме как воображением, которое французский мыслитель определяет как при-

сутствующую точку зрения отсутствующего. Причина заключается в том, что «Возможное есть то, чего не достает Для-себя, чтобы быть собой» [10, с. 134].

Правда и истина сознания как сознания заключается в том, как оно высказывается о мире и тем самым сказывает самое себя как присутствующее и тем самым регистрирующее себя в своей свободной эманулирующей акции дления. Мир возможного – это не «королство кривых зеркал» (если в этой кривизне видеть именно негативный смысл обмана или спланированного заблуждения, фикции). Как пишет Ж.-П. Сартр, «свободу сознания нельзя путать с произволом» [11, с. 303]. «Горизонтность» опыта сознания лучше всего может быть выражена метафорой «зеркальной галереи», в фокусирующей протяженности которой «Я» всегда остается на уровне Реальности, то есть на уровне сказывания Сущего, каждый акт которого искрится в моменте запечатленного зеркального присутствия как «мысленный взор» [2, с. 333], по выражению Л.М. Баткина. Зеркальность как специфический опыт феноменологичности сознания в культуре получил у Л.М. Баткина следующую любопытную характеристику: «Мы рассматриваем себя в зеркале со всей доступной близостью и пристальностью, но и с необходимой отдаленностью и отстраненностью. Зеркало переворачивает и преображает – и сообщает беспощадную правду. Мы видим в нем свой же взгляд – и этот взгляд изучает нас. Это мы и не мы. Только сознанию дано узнать себя в зеркале и только самосознанию – узнать и не узнать одновременно, удивиться и вздрогнуть, припомнив сквозь себя нынешнего – прошлое, предчувствуя будущее, прозревая противоречивую связь между собой и миром...» [2, с. 333]. Зеркальный мир как опредмечивание взгляда можно рассматривать как аналог интенциональному акту и феноменологическому сказыванию о нем. Иными словами, зеркало всегда выступает «местом» сбывания сознания как имманентного потока.

Сущность сознания в том и состоит, что оно скользит по кривой поверхности мира, данного сейчас с тем, чтобы зреть мир как целое Бытие, обнимать его собою и полагать, следовательно, его ничто, которое по сути,

как будет подчеркивать Ж.-П. Сартр, и есть открываемые человеком, воображаемые новые миры опыта [11, с. 306]. Таким образом, время оказывается тесно связано со свободой. Становление свободы для себя – есть временение как явление различного со своим «теперь» «Я» в горизонте. Сознание как открытие Сущего и есть акт воображения. Реальное является через ирреальное. Воображаемое оказывается словно самим сознанием, полагающим свое ускользающее присутствие в Другом и тем самым, способствующим рождению того целого, которое доступно одному единственному – сознанию. Целое или предел мира может быть дан только идеально.

Интересно отметить, что сартровское объяснение сущности свободы сознания через акты воображающего точечного зрения отсутствующего или Иного стало ключевым для отечественного мыслителя М.К. Мамардашвили, который прямо пишет следующее о сущности сознания как такой воображающей акции: «Сознание – это прежде всего сознание иного. Но не в том смысле, что мы сознаем, видим другой предмет, а в том смысле, что человек отстранен от привычного ему, обыденного мира, в котором он находится. В этот момент человек смотрит на него как бы глазами другого мира, и он начинает казаться ему не привычным, не само собой разумеющимся. <...> Это и есть сознание как свидетельство. То есть, я подчеркиваю, во-первых, что есть сознание и, во-вторых, что термин «сознание» в принципе означает какую-то связь или соотнесенность человека с иной реальностью поверх или через голову окружающей реальности. Назовем это условно обостренным чувством сознания. Оно связано в то же время с какой-то иномирной ностальгией» [8, с. 42]. М.К. Мамардашвили в данном случае очень точно выразил общую тональность экзистенциальной онтологии, присущую позиции Ж.-П. Сартра – «ностальгия». Ностальгирующий опыт сознания словно силится сбыться, исполниться той самой убегающей ускользающей далью, переживанием отсутствия которой здесь он вообще онтологичен.

Отчасти близкой экзистенциальной философии Ж.-П. Сартра является и пози-

ция К.Г. Юнга. В том смысле, что в обоих случаях свобода и самоутверждение сознания определяется воображением, как писал Ж.-П. Сартр, «отсутствующего» по отношению к «бытию». Однако если присмотреться к взглядам двух мыслителей, то становится очевидной огромная пропасть, отделяющая установку аналитической психологии от «негативной» онтологии. А именно: весь смысл и пафос анализа прорыва «Самости» в мир посюстороннего у К.Г. Юнга носит глубоко позитивный во многом даже целительный характер для конституирования Личности как целостного и в себе завершенного проекта. К.Г. Юнг все-таки огромное значение отводил практике преодоления внутренней дисгармонии индивида именно за счет воображения как такового, в чем, конечно же, прочитывается «след» модернистского мировоззрения, общему инструменталистскому тону которого он не был чужд.

У Ж.-П. Сартра же свобода «Я», хоть и постулируется в актах воображения Иного, оказывается в действительности опытом фундаментальной онтологической пустоты, невозможности обрести самого себя, свою самостную сердцевину, которая всегда и в любом проекте будет оставаться такой целостностью «Я», которая лишь охватывает мир, охватывает Иное, но в этом охвате никак не может нащупать актуальность собственного присутствия. Любое содержание внутреннего мира «Я» тут же ввергается французским автором в аннигилирующий поток постольку, поскольку это есть поток целостного «Я». Определенные признаки мифического Уробороса явно присущи этому сартровскому субъекту. Видимо не случайно К.Г. Юнг и особенно его ученик Эрих Нойманн уделяли внимание изучению Уробороса как метафоры, выражающей определенную стадию развития «Я» [12, с. 249–250]. Хотя Ж.-П. Сартр прибегает к использованию концептов из мира гегелевской системы и Логике для фиксации данной глубинной ситуации ненаполняемости моего Иного моим же содержанием (как, например, «для-себя-бытие»), тем не менее выводы его далеки от того, чтобы сказание свободы было вместе с тем Делом этой самой свободы. Как совершенно справедливо

подчеркивает в этой связи Е.В. Золотухина-Аболина, «в отличие от Гегеля, у которого противоречие порождает развитие, сартровская отрицательность дает лишь разрушение, распад. Мир Ж.-П. Сартра – распадающийся мир, здесь рушится все: само бытие, вера, любовь и т. д.» [4, с. 208–209]. По нашему мнению, главная причина такой онтологической неизбежности опыта сознания, описанного Сартром, лежит очень глубоко. Искать ее следует в общей кризисной культурно-исторической ситуации новейшего времени. В том, собственно, что и привело к появлению таких вариативных «онтологий», как сартровская негативная онтология или хайдеггеровская аналитика Dasein. А именно: ситуация фундаментальной атомарности человека, метафизической и социальной «маргинальности», то, что Ж. Батай назвал недостоверностью одинокого бытия», ставшей неизбежным следствием разрыва мира и трансцендентного, метафорически наиболее ярко выраженного Ф. Ницше.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батай, Ж. Гегель, смерть и жертвоприношение / Ж. Батай // Танатография Эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века. – 1994. – С. 245–267.
2. Баткин, Л. М. Не боясь своего голоса («Зеркало» А. Тарковского) / Л. М. Баткин // Пристрастия. Избранные эссе и статьи о культуре. Изд. 2-е, доп. – 2002. – С. 329–363.
3. Валь, Ж. Несчастное сознание в философии Гегеля / Ж. Валь. – СПб.: Владимир Даль, 2006. – 333 с.
4. Золотухина-Аболина, Е. В. Реальное или вымышленное? (размышления философа) / Е. В. Золотухина-Аболина. – Саарбрюкен: Изд-во Lap Lambert, 2011. – 308 с.
5. Иойлева, Г. В. Теоретические аспекты функционирования и развития сознания / Г. В. Иойлева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия. Социология и социальные технологии. – 2014. – № 4 (24). – С. 15–23.
6. Ипполит Жан. Логика и существование. Очерк логики Гегеля / Жан Ипполит. – СПб.: Владимир Даль, 2006. – 320 с.
7. Кожев, А. Введение в чтение Гегеля / А. Кожев. – СПб.: Наука, 2003. – 792 с.
8. Мамардашвили, М. К. Как я понимаю философию / М. К. Мамардашвили. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
9. Руткевич, А. М. Немецкая философия во Франции: Койре о Гегеле / А. М. Руткевич // История философии. – 2001. – Вып. 8. – С. 3–24.
10. Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии / Ж.-П. Сартр. – М.: Республика, 2000. – 639 с.
11. Сартр, Ж.-П. Воображаемое. Феноменологическая психология восприятия / Ж.-П. Сартр. – СПб.: Наука, 2001. – 319 с.
12. Сэмюэлс, Э. Словарь аналитической психологии К. Юнга / Э. Сэмюэлс, Б. Шортер, Ф. Плот. – СПб.: Азбука-классика, 2009. – 288 с.

REFERENCES

1. Bataj Zh. Gegel, smert i zhertvoprinoshenie [Hegel, Death and Sacrifice]. *Tanatografija Jerosa. Zhorzh Bataj i francuzskaja mysl serediny XX veka* [Tanatografiya Eros. Georges Bataille and the French idea of the mid XX century]. Saint Petersburg, Mithril Publ., 1994, pp. 245-267.
2. Batkin L.M. Ne bojas svoego golosa («Zerkalo» A. Tarkovskogo) [Not afraid of his own voice («Mirror» Tarkovsky)]. *Pristrastija. Izbrannye jesse i stati o kulture* [Preferences. Selected essays and articles about culture]. Moscow, Russian. Gos. Humanity. University Press, 2002, pp. 329-363.
3. Val Zh. *Neschastnoe soznanie v filosofii Gegelja* [Unhappy consciousness in Hegel's philosophy]. Saint Petersburg, Vladimir Dal, 2006. 333 p.
4. Zolotuhina-Abolina E.V. *Realnoe ili vymyshlennoe? (razmyshleniya filosofa)* [Real or fictional? (reflections of the philosopher)]. Germany. Saarbrücken Univ Lap Lambert, 2011. 308 p.
5. Iojleva G.V. *Teoreticheskie aspekty funkcionirovaniya i razvitiya soznaniya* [Theoretical aspects of functioning and development of consciousness]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya. Sociologiya i socialnye tehnologii* [Science Journal of Volgograd State University. Philosophy, Sociology and Social Technologies]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2014, no. 4(24), pp. 15-23.
6. Ippolit Zhan. *Logika i sushhestvovanie. Ocherk logiki Gegelja* [Logic and existence. Sketch of Hegel's logic]. Saint Petersburg, Vladimir Dal, 2006. 320 p.
7. Kozhev A. *Vvedenie v chtenie Gegelja* [Introduction to the reading of Hegel]. Saint Petersburg, SNauka Publ., 2003. 792 p.
8. Mamardashvili M.K. *Kak ja ponimaju filosofiju* [As I understand the philosophy]. Moscow, Progress Publ., 1990. 368 p.

9. Rutkevich A.M. Nemeckaja filosofii vo Francii: Kojre o Gegele [German philosophy in France: Koyre on Hegel]. *Istorija filosofii. Vyp. 8.* [The history of philosophy. Vol. 8]. Moscow, IF RAN Publ., 2001, pp. 3-24.

10. Sartr Zh.-P. *Bytie i nichto: opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and Nothingness: the experience of phenomenological ontology]. Moscow, Republic Publ., 2000. 639 p.

11. Sartr Zh.-P. *Voobrazhaemoe. Fenomenologicheskaja psihologija vosprijatija* [Imaginary. Phenomenological psychology of perception]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2001. 319 p.

12. Samuels A., Hotter B., Plaut F. *Slovar analiticheskoy psihologii K. Junga* [Dictionary of analytical psychology of Carl Jung]. Saint Petersburg, Azbuka-classic Publ., 2009. 288 p.

IMAGINATION AND THE PROBLEM OF FREEDOM OF CONSCIOUSNESS: EXISTENTIAL-ONTOLOGICAL ASPECT

Nadezhda Aleksandrovna Ilyinova

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Head of Department of Philosophy and Sociology,
Adyghe State University
nady_i@bk.ru
Pervomayskaya St., 208, 385000 Maikop, Russian Federation

Abstract. The paper deals with free consciousness as a defining issue of self-actualization of the thinking subject. The twentieth century has allowed us to rethink the relationship between imagination and free consciousness in a qualitatively new way. An analysis is made of consciousness ontology bases as the actual experience of the imagination through the lens and method of J.-P. Sartre. Specificity of interpretation of the essential foundations of the imagination opened new horizons to study the sources of freedom. The essence of existence for Sartre is revealed through the imagination.

Imaginary consciousness is present here and now, and this is one of the theses of non-classical philosophy. Sartre contends that imagination is experiencing Nothingness which makes available the experience of the whole. His separate ideas emphasize that imagination is the being for itself in consciousness as experience of the Whole.

Relationship is revealed between the existential-ontological project and the phenomenology of Husserlian immanent time. Inconsistencies are marked in interpretation of consciousness experience as imagination of the presenting absence. Free consciousness as the vision of the Other in relation to the human existing in experience is the freedom to nothingness. The consciousness situation as a choice situation can never be completed relevantly for itself without having to go into the past or, on the contrary, to remain only a wish or project. The construction of “being for itself” in the philosophy of Sartre plays a destructive role rather than the constructive as in the Hegel’s theory.

J.-P. Sartre’s destruction is due to the crisis processes taking place in culture of the 20th century, the prevailing nihilism and universal loneliness arising from the mismatch of the world and the transcendent.

Key words: experience of consciousness, imagination, being, nothingness, J.-P. Sartre, I. Husserl, time.